

РАБОЧИЙ день народного артиста СССР Юрия Никулина насыщен до предела. В восемь утра за ним уже приезжает машина и везет на студию «Ленфильм», где идут съемки картины «20 дней без войны» (по произведению К. Симонова), в которой он играет одну из главных ролей — майора Лопатина. Съемки идут весь день. Лишь под вечер возвращается Юрий Владимирович в цирковую гостиницу. Короткий отъезд, и вот уже Никулин в цирке, в гардеробной, где гримируется, готовится к представлению. Весь вечер он на манеже вместе со своим постоянным партнером заслуженным артистом РСФСР Михаилом

— Претерпел ли изменения клоунский образ, который вы, Юрий Владимирович, создали в цирке?

Как известно, на манеже я изображаю некоего Балбеса. У него короткие штаны, серая плохая (поддержанная!) шляпа. Он медлителен, флегматичен, в чем-то недотепист и в то же время податливый. Партнер все время вьется вокруг него, подобно назойливой муке, старается растормошить, расшевелить, но далеко не всегда ему удается вывести Балбеса из себя.

Внешне эта клоунская маска остается без изменения. Но внутренне мой герой не что-то застывшее раз, и навсегда. Он меняется от сценки к сценке, приобретает новые черты. Если некогда я и Шуйдин довольствовалась тем, что облигали друг друга водой, тем, что меня «накачивали» насосом, то после появления в нашем репертуаре такой сценки, как «Шипы и розы», где я изображаю влюбленного (его, как линку, обдирает наглый и грубый спекулянт цветами), мой Балбес преобразился, стал лирически грустным, в чем-то даже трогательным. Это несколько не противоречит его образу. Наоборот, новые краски делают характер Балбеса глубже, человечнее.

Разумеется, клоунский образ тесно связан с репертуаром. Мы с Шуйдinem, прямо скажем, «тугодумы» — редко обновляем и пополняем свой репертуар. Это происходит не от нежелания, не от лени или чего-нибудь еще. Просто создать новую удачную репризу — дело нелегкое.

25 лет длится наше творческое содружество, как коверные мы работаем лет 17 (кстати, впервые мы вышли на манеж в этом амплуа по предложению замечательного циркового режиссера заслуженного деятеля искусств Георгия Семеновича Венецианова, и было это в 1959 году в Ленинграде). За это время мы создали 25 реприз, интермеди, клоунад. Выходит, по полторы репризы в год. Вроде бы негусто! Конечно, на самом деле их было подготовлено значительно больше, но мы с Шуйдinem очень строго относимся к своим репризам и все мало-мальски неудачное сразу же отбрасываем. Итак, 25... 25 появлений Балбеса, и каждый раз его образ, в зависимости от ситуации, претерпевает внутреннее изменение.

— Вы не только цирковой клоун, но и киноактер. Есть ли какое-нибудь влияние этих двух профессий друг на друга?

— Несомненно. Как известно, долгое время я и на экране появлялся в роли Балбеса, который действовал вкупе со своими дружками — Бывалым и Трусом (вспомните хотя бы фильмы «Операция „Ы“», «Кавказская пленница»). Теперь, мысленно анализируя свою работу, я вижу, что киноэкранный Балбес многое позаимствовал у своего двойника на манеже и, наоборот, цирковой персонаж стал глубже, психологичнее в результате влияния на него киногероя. В общем, после съемок в кино я стал работать на манеже явно по-другому. Происходил этот процесс в какой-то степени подсознательно.

Цирк особенно помог мне при исполнении ролей в кинокомедиях. Ведь на манеже все построено на трюках, на неожиданных приемах, и в кинокомедиях действует тот же принцип, там тоже смех подчас вызывается не репликой, а трюком. Но есть и разница. В цирке в случае неудачи ту или иную репризу можно убрать, не исполнять больше или доработать, улучшить. В кино же этого не сделаешь. Там все закрепляется навечно.

— Каковы трудности сочетания двух профессий — клоуна и киноактера?

— Трудности... Чем больше я снимаюсь в кино, тем все труднее становится мне как клоуну. В

Шуйдinem. В некоторых сценах принимает участие Татьяна Никулина.

А еще общественные дела! А еще работа над книгой! А еще встречи с однополчанами (в годы войны Никулин служил в артиллерийском полку на Ленинградском фронте)... И все же мне хоть и с трудом, но удалось «выкинуться» в этот распорядок, встретиться с Ю. В. Никулиным и попросить его рассказать кое-что о себе, о работе в цирке и кино, поделиться некоторыми мыслями об искусствах, которым он служит.

это плохо. Исчезли с манежа Белые и Рыжие, бывшие некогда любимицы публики. Сатириков ныне насчитывается всего две-три пары. Всю нагрузку взяли на себя коверные. Они выступают и в одиночку, и вдвоем, и целыми группами — по пять и более человек. Причем главным направлением в клоунаде стала развлекательность.

В том, что клоунада лишилась сатирических красок, в известной степени повинны авторы, пишущие для цирка. Надо сказать, что труд этот сложный (ведь в клоунаде своя специфика) и в некотором роде неблагодарный. Вот почему авторы предпочитают отдавать произведения на эстраду, где работать легче, да и материально они лучше обеспечиваются.

А ведь некогда была довольно большая группа авторов, которые

МАСТЕРА ИСКУССТВ РАСКАЗЫВАЮТ

ЮРИЙ НИКУЛИН — о цирке, о кино и о себе

раза. Оно показывает крупно лицо, глаза. На экране должны действовать не условные, а всегда живые, полнокровные типажи.

Если в цирке я надену на голову ведро, то уже одно это вызовет смех. В кино же подобного рода действие смеха не вызовет. Я не хочу умалить циркового зрителя, сказать, что он менее взыскателен, чем кинозритель. Просто природа смеха в цирке несколько иная, чем в кино. Но мне уже и на манеже хочется действовать, как в кино.

Случается, что лишь какой-нибудь неожиданно удачный монтаж дает возможность в кино увидеть ту или иную ситуацию в комическом ракурсе. Помню, во время работы над фильмом «Операция „Ы“» постановщик Леонид Гайдай «на всякий случай» задумал снять меня смотрящим в щель в заборе. Причем решено было запечатлеть крупно одни глаза. В момент съемки от сильного света прожекторов я начал непроизвольно мигать. Так это и было заснято на плёнку. И что же? На просмотре оказалось, что этот эпизод с мигающими глазами вызывает гомерический хохот, чего ни Гайдай, ни другие никак не ожидали. Естественно, эти кадры не стали запасным дублем, а вошли в фильм как один из ударных эпизодов. И в то же время кадры, на которые мы рассчитывали как на очень смешные, никакой «смехореакции» у зрителей не вызвали. Таковы «загадки» кино.

— Ваше мнение о состоянии сатири на манеже?

— О современной клоунаде пишется много, и главным образом в критическом плане. Правда, изображать все в черном цвете будет неверно, но во многом критикующие клоунов все же правы. Что делаешь, клоунада, во всяком случае в классической своей форме, почти перестала существовать, и

любили цирк и охотно писали для него. В их число входили Н. Эрдман, В. Ардов, В. Поляков, В. Бахнов и Я. Костюковский. Ныне же таких совсем мало. Назову, в частности, М. Татарского из Киева, автора сценки «Шипы и розы». Это такой энтузиаст цирка, что если надо доработать клоунаду, он за свой счет едет в Москву. Но, к сожалению, больше таких, которые отошли от цирка и на вопрос «Почему?» отвечают: «Цирк для нас уже пройденный этап».

— Ваша любимая цирковая реальная, антре и соответственно какая из сыгранных в кино ролей вам больше всего нравится?

— Обычно на этот вопрос отвечают так: моя любимая роль та, которая еще не сыграна. Я же стараюсь ответить более определенно.

В цирке мне нравились пантомима «Маленький Пьер» (из французской жизни), где я исполнял роль полицейского, который ловит мальчугана, расклевающего листовки, уже упоминавшаяся «Сценка на лошади», клоунады «Шипы и розы», «Бревно», «Весы». В кино же — роли, исполненные в комедийных произведениях Леонида Гайдая, режиссера с яркой индивидуальностью, в фильмах которого всегда много трюков, эксцентрических положений. Из серьезных работ в кино люблю роль Кузьмы Кузьмича в картине «Когда деревья были большины» (режиссер Лев Кулиджанов). Она, эта роль, особенно дорога мне еще и тем, что не дала возможности застывать, раз и навсегда оставаться на экране Балбесом, раздвинула рамки моих возможностей. Между прочим, Кулиджанов пригласил меня на эту роль, будучи знакомым со мной еще по экрану — только по манежу. По душе мне и роли, исполненные в фильмах «Молодозелено» и «Маленький беглец».

— Каковы ваши творческие планы в цирке? Не думаете ли вы расстаться с манежем, чтобы полностью посвятить себя кино?

— Хотя Козьма Протков и сказал, что никто не обнимет необыкновенного, ни с цирком, ни с кино расставаться ни в коем случае не думаю. Я очень люблю оба этих искусства. Временами жалею, что некоторые роли прошли мимо меня. Правда, когда смотрю порой на экран, радуюсь, что не снялся в той или иной картине.

Что касается творческих задумок для цирка, то они есть. Но мы с Шуйдinem очень осторожные люди. И поэтому раньше времени не хотим рассказывать о незавершенных работах.

Одна из последних наших цирковых работ — клоунада «Бревно». Мысль сделать клоунаду, вы-

смеивающую киноправы, родилась у меня во время съемок «Старики-разбойников». В этом фильме есть эпизод, показывающий, как герои воруют картину из музея. Мне и Евгению Евстигнееву действительно пришлоось тащить по лестнице громоздкую картину в тяжелой раме. Пять раз переснимали этот эпизод, и столько же раз нам пришлось таскать картину туда и обратно — никто не догадался помочь. К концу пятого дубля мы были уже без сил. Эта ситуация и положена в основу цирковой сценки, в которой показано, как во время киносъемки перетаскивают бревно.

— Что вы можете сказать о «бремени» популярности?

— С популярностью жить, прямо скажем, трудно. Давят! В общем, как сказал кто-то из французов, жизнь артиста делится на две половины: сперва он добивается славы, а потом от нее прячется.

Кстати, о французах. Прославленный мим Марсель Марсо, который на сцене работает, что называется, на износ, а в антрактах лежит буквально без движения и к которому в этот момент приходят посетители, кто с цветами, кто с комплиментами, признавался: «Это ужасно тяжело, не правда ли? И в то же время мне было бы еще тяжелее, если бы мне никто не приходил». Так мог бы сказать и я. Меня радуют, например, письма, которые я получаю. Они связывают меня со зрителями, с жизнью.

Хотя бывают и курьезы. После выхода на экран фильма «Маленький беглец», в котором рассказывается о цирковом клоуне, взявшем на воспитание талантливого японского мальчика, и в котором я играю как бы самого себя, ко мне стали поступать письма с просьбой взять на воспитание детей. Одно такое письмо пришло из Симферополя. «Я вам привезу своего сына — он очень талантливый, — писала неизвестная мне женщина. — Возьмите его к себе и устройте в Консерваторию или театральный институт».

Я ответил, что не надо привозить мне мальчика, что я не могу взять на себя заботу о нем. В ответ получил новое письмо: «Японского ребенка взяли, а своего, советского, не может!»

Прошло некоторое время, и вот однажды, выйдя поздно вечером после представления из цирка, мы с женой увидели около здания двоих: женщину и мальчика. Оказалось, любящая мать из Симферополя привезла все-таки своего сынишку ко мне в Москву. Тут же, несмотря на то, что шел снег, было холодно, она приказала парнишке: «Читай стихи, дядя тебя послушает!» Кончилось тем, что я должен был посреди ночи устраивать неожиданных гостей на ночь в гостиницу, а на другой день отправлять их обратно в Симферополь, потому что содействовать приему в Консерваторию или театральный институт просто не могу.

Наивной оказалась и старушка, которая тоже будучи в полной уверенности, что я беру на воспитание детей, написала мне: «Давайте, приеду к вам в Москву, буду помогать ухаживать за детьми. Денег за это не надо. Только корите. Спать могу и на сундуке».

— Вы сейчас работаете над книгой. Как она называется и когда выйдет в свет?

— Книга, которая уже закончена, называется «Почти серьезно». Писать ее было трудно. Ведь я готовил ее не в Доме творчества в Переделкине, сидя в пижаме, с трубкой в зубах, а в короткие часы между работой в цирке и кино, личными делами и общественными. Она будет публиковаться в первых номерах журнала «Молодая гвардия» в 1976 году, а потом выйдет отдельным изданием в «Молодой гвардии».

Как она получилась, мне трудно сказать, однако я постаралась рассказать в ней не только о себе, о работе в цирке, в кино, о своих товарищах по профессии, о людях, с которыми встречался, но и о том, что меня волнует, о проблемах, стоящих передо мной, советским артистом, и искусством вообще.

Беседу записал
М. МЕДВЕДЕВ